

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭТЕЛЬ ЛИНА

УАЙТ

КОЛЕСО КРУТИТСЯ

Золотой век английского детектива

Этель Уайт

Колесо крутится

«АСТ»

1936

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Уайт Э. Л.

Колесо крутится / Э. Л. Уайт — «АСТ», 1936 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-105461-8

Айрис Карр потрясена: мисс Фрой, ее соседка по купе поезда, бесследно исчезла. Причем остальные попутчики не только этого не заметили, но и уверяют, что никакой мисс Фрой не было вовсе! Возможно, Айрис стала жертвой солнечного удара? Или история с исчезновением ей просто приснилась? А может, есть причина, по которой другие пассажиры предпочли «не заметить» преступления?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-105461-8

© Уайт Э. Л., 1936
© АСТ, 1936

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Этель Лина Уайт

Колесо крутится

Школа перевода В. Баканова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1

Жалеть не о чем

Дурные предчувствия впервые посетили Айрис Карр еще накануне всех событий. Дело в том, что она привыкла находиться под защитой «тусовки» – тех, кого называла друзьями. Айрис рано лишилась родителей, унаследовав от них внешнюю привлекательность и определенные средства, и рядом постоянно находилась то одна, то другая группа приятелей. Те не только все за нее решали – точнее, Айрис не считала нужным с ними спорить, – но зачастую даже и разговаривали за нее, поскольку ее собственный голос был слабоват и совсем терялся в шумной компании.

Постоянное присутствие друзей создавало некоторую иллюзию того, что Айрис вращается в широких кругах, хотя на деле лица были одни и те же, просто менялись подобно временам года. К тому же друзья не переставали подчеркивать ее популярность. Фотография Айрис тогда как раз появилась на газетных страницах, а поводом к вниманию фотографа и публики стало сообщение в прессе о ее помолвке с одним из членов тусовки.

Вскоре помолвку расторгнули по обоюдному согласию, что представляло собой законный повод для еще одной фотографии в газете. Если бы мать Айрис не умерла при родах, у нее был бы повод всплакнуть – или улыбнуться – при виде этих жалких огоньков людского тщеславия, мерцающих словно болотные огни среди окружающего мрака.

Айрис впервые почувствовала угрозу собственной безопасности, находясь на вершине счастья и благополучия в последние дни не совсем обычного «активного отдыха». С энтузиазмом первооткрывателей – или почти первооткрывателей – тусовка обрушилась на живописную в своем убожестве деревушку в отдаленном уголке Европы и объявила ее своей безраздельной собственностью, скрепив договор подписями в гостевой книге. Единственная в округе гостиница была оккупирована на целый месяц. Впрочем, хозяин гостиницы и его штат и не думали сопротивляться. Члены тусовки лазали по горам, купались в озере и принимали солнечные ванны на всех окрестных склонах по очереди. Вернувшись в гостиницу, они заполняли бар, стараясь перекричать радио и раздавая щедрые чаевые по поводу и без. Хозяин беспрерывно улыбался им из-за ломящегося от купюр кассового аппарата, а официанты кланялись и бросались исполнять любое поручение, забывая об остальных постояльцах, тоже англичанах.

Последние, естественно, были этим не слишком довольны. Они воспринимали Айрис как члена тусовки – тщеславную, эгоистичную, бестолковую девицу, каких полно в так называемом высшем обществе. Естественно, никто и понятия не имел о ее достоинствах – например, о щедрости, с которой она единолично, как само собой разумеющееся, оплачивала счет в ресторане после обеда с приятелями. Или о сострадании к людям в стесненных финансовых обстоятельствах – речь, естественно, шла о представителях ее круга. Айрис не отличалась склонностью к недовольству жизнью или сомнениям в собственной правоте, и при этом ей была присуща некая нравственная чистота, так что к разнузданным оргиям ее совсем не тянуло. Не сказать, что во время нынешней поездки до нее не доносились звуки свирели Пана, но до вступления с волосатым сатиром в более близкий контакт дело не доходило.

Время шло, и моральные устои тусовки, и без того не слишком прочные, становились все более расслабленными. Молодые люди загорели на солнце, привыкли пить и веселиться и, к своему удовольствию, стали относиться к брачным узам как к некой условности. Тем сильнее Айрис, все это время окруженная условными супружескими парами, была поражена, когда другой член тусовки – Ольга – запоздало поддалась собственническим чувствам и обвинила подругу в попытке отбить ее мужа.

Сцена вышла некрасивая, но больше всего Айрис возмутила несправедливость обвинения. Для самой Ольги супруг явно был пятым колесом в телеге, а Айрис его никак не выделяла; и не ее вина, если тот потерял голову. Причем Айрис не нашла поддержки и у друзей, откровенно наслаждавшихся скандалом. Чтобы не служить источником дальнейших раздоров, она решила не возвращаться в Англию вместе с тусовкой, а остаться в гостинице еще на пару дней.

На следующий день, провожая приятелей до небольшой железнодорожной станции, Айрис все еще чувствовала обиду. Те уже предвкушали возвращение к цивилизации. Они снова оделись по лондонской моде и более или менее разбились на законные пары – чему способствовали чемоданы с именными бирками и билеты в одно купе. Поезд отправлялся в Триест. Там сейчас было полно туристов, точно так же стремящихся домой, к мостовым и уличным фонарям. Тусовка, забыв о горных склонах и звездном небе, уже настраивалась на городской шум. Айрис обступили; ей даже показалось, что все снова стало по-прежнему.

– Милочка, не скучай тут без нас!

– Да брось, давай с нами!

– Поехали, как же мы без тебя?

Когда прозвучал сигнал к отправлению, Айрис чуть не затащили в вагон – прямо в шортах и горных ботинках, даже без макияжа. Айрис отчаянно вырывалась и выпрыгнула из вагона, когда поезд уже тронулся. Хохоча и слегка задыхаясь от затраченных усилий, она махала рукой вслед уходящему составу, пока он не скрылся за изгибом ущелья.

Обнаружив, что отъезд приятелей вызвал у нее лишь облегчение, Айрис испытала нечто вроде чувства вины. Да, она прекрасно отдохнула, но главным для нее были простые радости – солнце, вода, горный ветер. Айрис погружалась в природу, а от окружающих людей испытывала скорее смутное неудовольствие. Они были слишком близко как в физическом, так и в моральном смысле. Иногда то одно, то другое резало ей глаз и слух – тоненько хихикающая женщина, приготовившийся нырнуть грузный мужчина, постоянное «о господи!», лишенное малейшего оттенка благоговения... Впрочем, следовало признать, что при всем критическом отношении к приятелям сама Айрис весьма на них походила. Вместе с ними она восторгалась прекрасными видами, хотя совершенно естественно ожидать, что по мере удаления от традиционных туристических маршрутов пейзаж становится все лучше, а уборные – все хуже.

Теперь Айрис наконец-то осталась наедине с безмолвием и горами. Прямо под ней лежало изумрудно-зеленое озеро, в его поверхности алмазными бликами отражалось солнце. Заснеженные вершины вдалеке четко выделялись на васильковом небесном фоне. На одном из холмов высилась темная громада старинного замка: его пять башен торчали словно растопыренные пальцы загадочного злодея. Повсюду буйствовали краски. В пристанционном садике экзотические огненно-желтые цветы усыпали колючие кусты. Деревянное здание гостиницы выше по склону было выкрашено охрой и кармином. А мимо зеленой стены ущелья проплывали последние клубы паровозного дыма, легкие, словно белый пух.

Когда дым наконец растаял, Айрис почувствовала, что с тусовкой ее больше ничто не связывает. Бросив вслед поезду издевательский воздушный поцелуй, она развернулась и побрела по крутой каменистой тропе обратно в гостиницу. На мостике, перекинутом через текущую со снежной вершины речку, она задержалась, чтобы насладиться ледяным воздухом, поднимавшимся от зеленовато-белой пенящейся воды.

Айрис вспомнила вчерашнюю сцену и поклялась больше не иметь ничего общего с тусовкой. Эти лица всегда будут напоминать ей об эпизоде, совершенно несовместимом с ее представлениями о дружбе. Айрис прекрасно относилась к Ольге, в каком-то смысле даже была ею очарована, – а та в ответ закатила сцену ревности!.. Пожав плечами, Айрис отбросила неприятное воспоминание; здесь, под бескрайними небесами, люди казались маленькими, а людские страстишки – и вовсе крохотными. Так, случайные события на пути от колыбели до могилы. Встретились, расстались – не о чем жалеть.

Пропась, отделяющая ее от бывших друзей, ширилась с каждой минутой. Паровоз уносил их прочь из жизни Айрис. При этой мысли она почувствовала радость какой-то новой свободы, словно безмолвие и одиночество помогли ее духу наконец вырваться наружу.

Очень скоро она будет готова отдать все богатства природы, лишь бы приятели снова оказались рядом с ней.

Глава 2

Грозная тень

Прошло около четырех часов. Айрис лежала, раскинув руки, на склоне горы высоко над долиной. С того самого момента, как она вышла из холодных сумерек ущелья – там расходились в разные стороны дорожки и стояла часовенка, – Айрис поднималась вверх по тропинке, зигзагом вившейся вдоль склона. Стоило ей выйти из полосы тени, как стало немилосердно жарить солнце, но она не сбавила шагу. Мысли продолжали гнать ее вперед, поскольку из головы никак не шла Ольга.

Имя торчало в мозгу как заноза. Ольга! Ольга, делившая с ней хлеб – вернее, охотно поедавшая тосты, которые Айрис жарила себе на завтрак, объясняя это заботой о ее фигуре. Соль она, кстати, делить отказывалась из какого-то диетического предрассудка, так что принимать ее в гостях было сущим мучением. Ольга, которая без тени смущения пользовалась ее телефоном и автомобилем, что не пошло на пользу последнему. Ольга, охотно позаимствовавшая на время ее меховую шубку, а взамен решившая поделиться никому не нужным мужем.

При одной только мысли об Оскаре Айрис практически перешла на бег. «Можно подумать, меня интересуют мужчины, похожие на Микки Мауса!» В конце концов, совсем запыхавшись, Айрис бросилась на землю и решила, что на сегодня достаточно. По мере того как она продвигалась к вершине, та, казалось, отступала все дальше, поэтому надежды ее достичь быстро испарились.

Айрис полежала с полужакрытыми глазами, прислушиваясь к шороху ветерка, и к ней начал возвращаться душевный покой. Тоненькие колокольчики на фоне неба выросли до размеров колокольни, а сама Айрис казалась себе крошечной и вросшей в землю, словно камень или корень старого дерева. В своем воображении она почти слышала, как в недрах горы пульсирует огромное сердце.

Очарование длилось недолго, и Айрис снова вспомнила об Ольге. Впрочем, теперь она видела ее под другим углом – высота, как обычно, создавала иллюзию превосходства. Долина, вспомнила Айрис, находилась на высоте полутора тысяч метров, и сама она взобралась минимум на столько же. С точки зрения арифметики, она оказалась сейчас на три километра выше бывшей подруги – при условии, конечно, что той хватило совести остаться на уровне моря, – и могла позволить себе определенную снисходительность.

– Больше – никогда! – объявила она вслух. – Никогда и никому не помогаю, даже не просите!

С чувством удовлетворения – урок оказался полезным, пусть даже он получен дорогой ценой, – Айрис решила выкурить сигаретку перед обратной дорогой. Воздух был настолько чист, что отдаленные горы, которых она раньше и не замечала, словно соткались из ниоткуда и плыли теперь в небесах полупрозрачными фиолетовыми громадами. Далеко внизу текла река, которую расстояние превратило из зеленой в туманно-голубую.

Без особой охоты Айрис встала. Пора было возвращаться.

Обратная дорога оказалась не только скучной, но еще и довольно болезненной – приходилось постоянно отклоняться назад, чтобы не упасть. Начали ныть икры, к тому же Айрис сбивала все ноги о каменистую тропу. В раздражении она решила покинуть петляющую тропинку и идти напрямую. Стараясь держать направление на озеро, Айрис храбро ринулась вниз по склону. И почти сразу обнаружила, что он слишком крут. Увы, она успела разогнаться настолько, что уже никак не могла сбавить темп. Оставалось лишь опуститься на корточки и скользить вниз по траве, надеясь на удачу.

С этого момента события развивались стремительно. Несмотря на все попытки затормозить, с каждой секундой она летела все быстрее и быстрее. Мир превратился в проносящиеся мимо синие и зеленые пятна, долина вдруг стеной закрыла небо. Подскакивая на кочках, Айрис попыталась изменить курс в сторону небольшой рощицы, надеясь, что деревья помогут ей затормозить. К несчастью, они оказались старыми и гнилыми. Девушка без остановки проломилась сквозь рощицу и с неприятным звуком шлепнулась прямо на каменистую тропу.

Деревья все же несколько смягчили падение, но, когда Айрис поднялась на ноги, все ее тело болело. Несмотря на это, она машинально усмехнулась – сказывалась школьная закалка, нюнь там не жаловали.

– Занятно вышло, – пробормотала Айрис, извлекая занозы.

Чуть ниже по тропе виднелась часовенка; значит, направления она не потеряла. До гостиницы уже было недалеко, и Айрис бодро зашагала вниз по ущелью, предвкушая ожидающий ее комфорт. Холодный коктейль, горячая ванна, ужин в постель... Увидев за очередным изгибом ущелья блеск озерной глади, она даже перешла на прихрамывающую трусцу. Миновала изгиб – и застыла на месте от изумления.

Знакомые элементы пейзажа исчезли, словно кто-то прошелся по ним ластиком. Куда-то пропали деревянные домики, железнодорожная станция, пирс, гостиница. С чувством горькой досады Айрис поняла, что ее внутренний компас дал сбой. Озеро напоминало не глубокий зеленоватый овал, где они с друзьями ежедневно купались, а скорее бледно-голубую кляксу, мелкие берега которой заросли густым кустарником.

Оставался только один выход – возвращаться к часовенке и идти другой тропинкой. На этот раз вышло действительно забавно. Прежде чем заковылять вверх по тропе, Айрис снова усмехнулась – почти естественно. Однако в целом настроение было так себе, и она практически не замечала первобытного величия окружавшей ее горной местности. Ущелье было голым и безжизненным, между валунами ничего не росло, не слышалось даже птичьего пения. Лишь мелкие камушки шуршали под ногами, да еще время от времени слышался всплеск полузасохшего ручейка, пенившегося среди камней подобно запутанной белой нитке.

Привыкшая к компании, Айрис почувствовала, что скучает без голосов и лиц. Подавленная одиночеством, она не смогла удержаться от приступа жалости к себе. Ей пришлось в голову, что, в отличие от остальных, возвращение в Англию не будет для нее дорогой домой. В лучшем случае – дорогой назад. Ведь и в Англии она жила в гостинице, а свою квартиру в дорогом районе сдавала. Здесь и сейчас она вдруг усомнилась, не слишком ли дорого платит за свою свободу.

Впрочем, и эти печальные мысли вскоре вылетели из головы, поскольку, выбравшись из ущелья, она столкнулась с настоящей проблемой. Оглядываясь вокруг, чтобы определиться с направлением, Айрис вдруг осознала, что часовня у развилки – вовсе не та, у которой она утром начала свой подъем по петляющей тропке. В этот раз она даже не попыталась усмехнуться, поскольку было явно не до шуток. Она-то думала, что знает все ущелья вокруг, поскольку вместе с компанией излазила их вдоль и поперек не хуже горной козочки. Однако она никогда не следила за местностью, так как всегда лишь шла за кем-нибудь следом. Проводником с неизбежностью оказывался один из приятелей, позаботившийся купить карту. В результате сейчас она не имела ни малейшего представления, куда идти.

– Куда-нибудь я ведь приду, главное – не останавливаться, – сказала себе Айрис. – В крайнем случае всегда можно спросить дорогу.

Чтобы идти, ей пришлось мобилизовать последние остатки упрямства – она сильно утомилась, не говоря уже о сбитых ногах. Достигнув наконец развилки, Айрис поняла, что для дальнейших экспериментов она недостаточно верит в себя, и, присев на камень, решила подождать: рано или поздно кто-нибудь пройдет мимо.

Наступил переломный момент. Начало формироваться неприятное осознание: ее так называемая независимость – на самом деле лишь способность выписывать чеки. По сути, таковы же истоки и ее популярности среди окружающих.

– Всю жизнь я только и шла, куда меня вели. Даже если кто-то пройдет мимо, лингвиста хуже, чем я, еще поискать!

По сути, Айрис себе льстила, поскольку оснований называться лингвистом у нее вообще не было. Как ни странно, ее полнейшее незнание иностранных языков стало прямым следствием школьных занятий в Париже и Дрездене. Все время она проводила в компании других учениц с берегов Альбиона, зато местные преподаватели могли до совершенства шлифовать нюансы своего английского. Так уж Айрис понимала строку из гимна «Правь, Британия!». Сейчас же, когда из-за поворота показался смуглый приземистый мужчина в кожаных шортах с грязноватыми цветастыми помочами, она вдруг усомнилась в пользе излишнего патриотизма.

Один из молодых людей в их компании отличался способностью к языкам. Обнаружив в местном наречии определенное сходство с немецким, он даже научился кое-как объясняться с помощью последнего, хотя и напрягал все свое воображение, чтобы хоть что-то понимать и быть понятым. Обратившись к встречному на английском, Айрис сразу же вспомнила те издевки, которым приятели подвергали бедолагу за его не особо успешные попытки. Крестьянин лишь вытаращил глаза, пожал плечами и покачал головой.

Айрис сделала еще одну попытку, несколько повысив голос. Безуспешно. Крестьянин уже собирался пройти мимо, когда Айрис, вскочив на ноги, решительно преградила ему путь. Сама себе она представлялась калекой, которому вырвали язык. Тем не менее отступить было некуда, она просто обязана заставить его понять!.. Чувствуя себя полной дурой, Айрис принялась жестикулировать, показывая в разные стороны от развилки и повторяя название деревушки, где находилась гостиница. «Не идиот же он, в самом деле?»

Похоже, крестьянин действительно понял, что она хочет, и даже несколько раз кивнул. Однако вместо того, чтобы указать направление, он вдруг разразился целой тирадой на непонятном наречии. Нервы Айрис, на которую обрушился поток гортанных звуков, не выдержали. Она поняла, что на взаимопонимание нет никаких шансов; с таким же успехом можно искать общий язык где-нибудь на задворках Азии. Без денег, неспособная объяснить, она обречена на бесконечные блуждания. Любая ошибка в выборе дороги уведет ее в глухомань, еще дальше от гостиницы, ведь ущелье, подобно фьорду, разделялось на множество рукавов.

Айрис ощутила ужас, лицо крестьянина вдруг стало расплываться, словно в дурном сне. Она попыталась удержать его перед глазами – влажную кожу, небольшой зоб... Впрочем, острее всего чувствовался резкий запах – очевидно, крестьянин сильно вспотел, поднимаясь в гору.

– Я вас не понимаю! – воскликнула она в совершенном отчаянии. – Ни единого слова! Замолчите! Да замолчите же, я сейчас с ума сойду!

Крестьянин, в свою очередь, тоже услышал набор бессвязных звуков. Перед ним стояла девушка в мужской одежде, худая и поэтому совершенно по местным меркам непривлекательная, с грязными и драными коленками. Мало того, она ухитрилась довести себя до истерики и при этом оказалась редкостной тупицей, поскольку никак не могла взять в толк, что все это время повторяла лишь первую часть названия деревни – а в округе таких деревень три. Что он ей и объяснил, прежде чем спросить полное название.

Ситуация была патовая. В конце концов крестьянин еще раз пожал плечами и зашагал вверх по тропе, а Айрис осталась наедине с окружающими горами.

По приезде Айрис накупила открыток с видами гор и разослала всем знакомым, снабдив стандартной надписью: «Разве не чудесный пейзаж?» Кое-где она пометила один из пиков небрежным крестиком, подписав: «А вот тут я живу». Теперь горы мстили за все. Айрис сжалась в комок под выступающими утесами – тем достаточно слегка пошевелиться, и лавина кам-

ней сотрет ее в порошок. Рядом со скалами она ощущала себя полным ничтожеством. Горы сожрали ее индивидуальность, выпили ее душу...

И в этот миг совсем рядом зазвучала английская речь! Из-за поворота вышли молодожены, жившие с ней в одной гостинице. Своей спокойной невозмутимостью и исполненным благородства видом влюбленная пара снискала уважение даже у компании Айрис. Мужчина был высокого роста, приятной внешности и, очевидно, привык повелевать. В его голосе звучали командирские нотки. Официанты срывались с места от одного лишь его кивка, а хозяин – вероятно, впечатлившись ценой, уплаченной за номер люкс, – обращался к нему не иначе как «милорд».

Его жена, почти не уступавшая ему ростом, отличалась безупречной фигурой и столь же идеальным лицом. Она носила изысканную, хотя и совершенно неподходящую для горной местности одежду. Впрочем, было ясно, что она ни капли не озабочена выбором костюма и одевается исключительно для того, чтобы порадовать мужа.

Молодожены жили сообразно своему собственному стандарту, не обращая внимания на остальных гостей, которые единодушно решили, что перед ними – представители высшего общества. Ходили слухи, что фамилия «Тодхантер», под которой они зарегистрировались в гостинице, не настоящая, а всего лишь способ сохранить анонимность.

Парочка миновала Айрис, почти не обратив на нее внимания. Мужчина рассеянно приподнял шляпу, но в его взгляде не промелькнуло ничего похожего на узнавание. А женщина даже не подняла фиалкового взгляда от каменистой тропы – что было неудивительно, учитывая опасную высоту ее каблуков. Она что-то говорила мужу – негромко, но очень эмоционально.

– Нет, дорогой! Ни днем больше! Даже ради тебя. Мы и так уже... – удалось расслышать Айрис; конец фразы от нее ускользнул. Она решила, что просто отправится следом за молодоженами, стараясь не особо афишировать своего присутствия, поскольку не питала ни малейших иллюзий по поводу своего внешнего вида после спуска с горы. Появление англичан вернуло ее к привычному расположению духа, поскольку означало, что гостиница совсем рядом – молодожены не были замечены в пристрастии к дальним прогулкам. Нависшие над головой скалы уменьшились в размерах, словно захваченные видеоискателем фотоаппарата, а сама она из затерявшегося в неведомых далях жалкого существа вновь превратилась в девушку из Лондона, озабоченную разве что покроем собственных шорт.

Довольно скоро впереди появилась часовенка, где Айрис в прошлый раз свернула не туда. С трудом ковыляя вниз по тропинке, Айрис увидела сперва отблеск на темной воде озера, а потом и огни гостиницы, сияющие сквозь зеленоватые сумерки. Усталая и голодная, она думала лишь о предстоящем ужине и горячей ванне. Казалось, что о случившемся с ней приключении напоминали только немногочисленные физические повреждения.

Глава 3

Беседа

Вернувшись в гостиницу, молодожены застали оставшихся в ней четверых гостей на посыпанной гравием площадке у веранды. Гости наслаждались тем расслабленным временем суток, когда уже слишком темно, чтобы писать письма или читать, но еще рановато для ужина. Пустые чашки и крошки от пирожных на одном из столиков означали, что чай сегодня подавали на веранде и с тех пор никто не сдвинулся с места.

Обеим сестрам Флад-Портер было за пятьдесят, и порхать туда-сюда им совсем не пристало, да и заботы о фигуре остались далеко в прошлом. Их седые волосы были безукоризненно завиты; впрочем, отдельные уцелевшие прядки первоначального цвета позволили бы вежливому человеку назвать их блондинками. Лица обеих отличались прекрасным цветом кожи – и довольно-таки эмоциональным выражением. Впрочем, кожа мисс Эвелин, которой было под шестьдесят, уже стала слегка усыхать, в отличие от мисс Роуз, которая своей шестой десяток едва разменяла. Младшая сестра была крупнее и выше ростом, голос ее был чуть громче, румянец на щеках – чуть ярче. В целом доброжелательная, она не чуралась дружеской издевки, так что ее партнерам по бриджу иной раз изрядно перепало.

За время поездки сестры успели образовать квартет с преподобным Кеннетом Барнсом и его супругой. Они прибыли сюда на одном поезде и договорились, что уедут тоже вместе. Благодаря викарию и его жене в квартете царил дух доброго компанейства, а сестры, лишенные подобного дара, отвечали за формирование общего мнения и общих же предрассудков.

Двор был уставлен чугунными столиками, скамьями, выкрашенными в яркие цвета, и дополнительно украшен пыльными растениями в кадках. Обводя все это взглядом, старшая из сестер Флад-Портер вспомнила собственный уютный домик неподалеку от собора. Если верить газетам, в Англии шли дожди, поэтому сад наверняка выглядит великолепно – пышная зелень лужайки, окруженная клумбами астр и георгин.

– Как я мечтаю вернуться в свой дом! – воскликнула она.

– В наш дом, – немедленно поправила младшая сестра, всегда обходившаяся без особых церемоний.

– Я если о чем и мечтаю, так об удобном кресле... – усмехнулся викарий. – А вот и наши молодожены!

Несмотря на обычную расположенность к ближнему своему, от громкого приветствия он все же воздержался. Его первая – и единственная – попытка сблизиться вызвала столь холодный прием, что он зарубил себе на носу: эта пара не желает вторжения в свою частную жизнь. Викарий молча откинулся на спинку скамьи, попыхивая трубкой и наблюдая, как молодожены поднимаются по лестнице на веранду.

– Они очень подходят друг другу, – одобрительно заметил он, когда пара удалилась.

– Хотела бы я знать, как их зовут на самом деле, – сообщила старшая мисс Флад-Портер. – Лицо мужчины кажется знакомым. По-моему, я где-то его уже видела.

– Может быть, в кино? – предположила ее сестра.

– Вы часто ходите в кино? – вмешалась миссис Барнс в надежде, что сейчас и ей удастся внести вклад в установление общих вкусов. До сих пор она стеснялась упоминать о своей страсти к кинематографу.

– Только если играют Джордж Арлис или Дайана Уиньярд, – уточнила мисс Эвелин.

– Тогда эта версия отпадает, – улыбнулся викарий. – Мужчина точно не Джордж Арлис, да и дама – не Дайана.

– И все равно я уверена, что здесь какая-то тайна, – настаивала мисс Эвелин.

– Я тоже, – подхватила миссис Барнс. – Иной раз я даже сомневаюсь, что у них... что они связаны узами брака.

– Это ты-то? – перебил ее муж и беззлобно рассмеялся, увидев, как лицо жены заливают краской. – Прости, дорогая, что я вмешиваюсь, но не проще ли предположить, что все мы действительно являемся теми, кем хотим казаться? Включая священников и их жен? – Он выбил трубку и встал. – Пойду-ка я в деревню, поболтаю с новыми друзьями.

– Как он умудряется с кем-то болтать, не зная языка? – бесцеремонно спросила мисс Роуз, едва викарий удалился.

– Он знает, как сделать, чтобы его понимали, – с гордостью в голосе объяснила миссис Барнс. – Главное – внимание к собеседнику, в конце концов, все мы люди. Он бы и с дикарями договорился.

– Боюсь, мы его отпугнули неподобающими разговорами, – предположила мисс Эвелин.

– Я сама виновата, – вздохнула миссис Барнс. – Про меня часто говорят, что я сую нос не в свои дела. По правде сказать, я если и интересуюсь чужими делами, то через силу. В знак протеста против нашей английской сдержанности.

– Это скорее повод для гордости, – проронила мисс Роуз.

– Разумеется... Порой мне приходится напоминать себе, что любой человек может попасть в беду и нуждаться в помощи. Если я не помогу ему сейчас, другого случая уже не представится.

Сестры посмотрели на нее с одобрением. Перед ними была худенькая женщина за сорок, темноволосая, с бледным овальным лицом, но выражение на нем было самое доброжелательное. Большие карие глаза светились добротой и непосредственностью, а манеры оставляли впечатление совершенной искренности. Ее нельзя было заподозрить ни в малейшей нечестности.

В свою очередь, миссис Барнс была хорошего мнения о сестрах. В них чувствовалась основательность и надежность. Из людей такого сорта получаются прекрасные присяжные заседатели, достойно исполняющие свой долг перед Богом и людьми. При этом сестры никогда в жизни не работали и жили в собственном доме с хорошо вышколенными служанками и очаровательным садиком – на проценты с банковских вкладов. Зная это, миссис Барнс, не в силах удержаться от простых человеческих чувств, исполнялась тайного превосходства при мысли, что единственный мужчина в квартете принадлежит именно ей. О, миссис Барнс прекрасно сознавала, как важно чувствовать, что у тебя есть муж – ведь до сорока лет она выезжала на отдых лишь в компании таких же, как и сама, старых дев. Со дня окончания школы она зарабатывала на жизнь учительским трудом, пока не случилось чудо, даровавшее ей сначала мужа, а потом и сына!

Оба супруга были так поглощены ребенком, что викарий начал задумываться, не искупают ли они судьбу. Вечером перед тем, как отправиться на отдых, он предложил жене пакт.

– Да, наш малыш прекрасен, – начал викарий, глядя на спящего в кроватке мальчика. – Но... Моя работа – доносить до людей Божьи заповеди. И я уже начинаю подозревать...

– Я понимаю, – прервала его жена. – Не сотвори кумира.

Викарий кивнул.

– Я виноват не меньше твоего, – продолжил он. – И намерен принять меры. По долгу служения мы с тобой влияем на наших ближних, как никто другой, поэтому нам самим следует быть гармоничными и ни в коем случае не заикливаться на чем-то одном. Если отдых и пойдет нам на пользу, то в первую очередь как возможность изменить образ мыслей. Дорогая, давай пообещаем друг другу, пока мы в отъезде, избегать разговоров о Гэбриэле?

Хотя сын остался с бабушкой, которая глаз с него не спускает, миссис Барнс все равно переживала за его здоровье как последняя дурочка.

Итак, жена викария вновь принялась считать часы до встречи с сыном, мисс Эвелин улыбалась, предвкушая встречу со своим садом, зато в голове мисс Роуз шла напряженная работа мысли, а она была из тех, кто, попав в колею, остается в ней до упора.

– Я вообще не понимаю, как люди могут лгать! – объявила она вдруг. – Ну, разве что какой-нибудь несчастный пролетарий из страха перед начальством. Но люди нашего круга? Я знаю одну обеспеченную даму, которая хвасталась тем, что обвела вокруг пальца таможенника. Какой позор!

В этот самый момент у калитки, ведущей в гостиничный двор, появилась Айрис. Девушка постаралась не слишком приближаться к сидящим за столиком, однако не услышать, о чем они говорят, не могла.

– Боюсь, я не вправе судить окружающих, – ясным голосом школьной учительницы откликнулась миссис Барнс. – У меня-то никогда не было ни малейшего соблазна солгать.

«Разве не врунья?» – мелькнуло в голове у Айрис, которая вымоталась настолько, что готова была рухнуть без чувств. Чтобы добраться до гостиницы, ей потребовалось собрать в кулак всю волю до последнего атома. Нервы гудели, как готовая лопнуть струна. Как ни жаждала Айрис попасть в тишину собственной комнаты, прежде чем подняться вверх по лестнице, ей нужно было хоть чуть-чуть передохнуть. Чувствуя, что каждый мускул молит о пощаде, она упала на ближайшую скамью и закрыла глаза, подумав только: «Если они со мной заговорят, я заору!»

Сестры Флад-Портер переглянулись и поджали губы. Даже в добрых карих глазах миссис Барнс не было видно ни капли тепла – она больше других пострадала от дурных манер и бесцеремонности тусовки. Молодежь вела себя так, словно они выкупили гостиницу целиком, а все остальные – просто незваные гости. Наглые молодые люди требовали от прислуги особого отношения и не стеснялись добиваться его с помощью чаевых. Это задевало других гостей, которые честно оплатили свое путешествие в туристическом агентстве и имели все основания полагать, что в цену входит и сервис. Тусовка монополизировала бильярдный стол, захватила лучшие места в обеденном зале. Пищу им тоже приносили раньше других; доев полуостывший ужин, остальные гости обнаруживали, что молодежь израсходовала на душ всю горячую воду, так что им доставалась еле теплая. Даже викарий почувствовал, что теряет свою обычную доброжелательность. Как он ни старался списать все на присущую молодости особую витальность, в тусовке далеко не всех можно было назвать юнцами.

К несчастью, среди так называемых друзей Айрис были и такие, которыми Англия вряд ли могла бы гордиться. Учитывая, что одну девушку в купальнике не очень легко отличить от другой, миссис Барнс пришла к выводу, что все они одного поля ягоды и приехали сюда только пьянствовать да совокупляться. Откровенные наряды задевали ее скромность, а шум по ночам не давал заснуть. Потому-то она и была так обрадована перспективой провести последние два дня в покое, наслаждаясь окружающими видами и приятной компанией. И тут вдруг оказалось, что развязные молодые люди еще не убрались восвояси – одна особа здесь, а где одна, там и остальные.

Миссис Барнс отчасти выделяла Айрис из остальной тусовки – девушка была симпатичной, и за ней повсюду таскался мужчина с бабьей фигурой. Впрочем, поскольку мужчина был женат, это не делало ей чести. Однако сейчас она выглядела такой измученной, что довольно скоро миссис Барнс ощутила укол совести – человеку явно нужно было сочувствие.

– Неужели вас оставили одну? – спросила она как можно более доброжелательно.

Айрис вздрогнула от неожиданности. Меньше всего ей в этот момент требовалось внимание кого-то из старичков – опыт подсказывал, что ими движет лишь любопытство.

– Да, – ответила она односложно.

– Бедняжка, как вам не повезло. Вы, наверное, скучаете?

– Нет.

– Вы так молоды, а путешествуете одна. Неужели никто из вашей семьи не смог составить вам компанию?

– У меня нет семьи.

– Вообще никого?

– Ни родителей, ни других родственников. Повезло, да?

Айрис сидела слишком далеко от мисс Эвелин, чтобы услышать, как та потрясенно вздохнула, но и то, что миссис Барнс умолкла, было достаточно красноречиво – грубость Айрис достигла цели. Чтобы избежать дальнейших расспросов, Айрис нечеловеческим усилием – ни один сустав не желал разгибаться – поднялась на ноги и погнала себя к входу в гостиницу, а потом наверх, в номер.

Миссис Барнс принужденно рассмеялась:

– Кажется, я опять сделала что-то не то. Девушка явно была не рада, что я с ней заговорила. Но нельзя же просто сидеть как истукан и делать вид, что вообще ею не интересуешься?

– А она сама вами интересуется? – возмутилась мисс Роуз. – Вами или кем-то из нас? Такие девицы думают только о себе. Да она и пальцем не шевельнет, чтобы кому-то помочь!

Ответ на вопрос мисс Роуз был совершенно очевидным, однако миссис Барнс была слишком вежлива, чтобы его произнести.

Ни она, ни кто-либо еще не мог и предположить, что в следующие двадцать четыре часа грянут такие события, когда эта девушка, оказавшись одна против множества свидетелей, пойдет на граничащие с безумием моральные муки ради случайной попутчицы, с которой ее не связывает ничего личного.

При условии, что попутчица – мисс Фрой – вообще существует.

Глава 4

Зов Родины

Одна прорицательница сообщила Айрис, что линии у нее на ладони образуют квадрат, и это означает безопасность. Айрис тогда лишь рассмеялась, но с тех пор верила, что, в отличие от других, действительно живет под невидимой защитой. Вот и сейчас, в момент душевного кризиса, звезды явно стремились ей помочь. Сначала была прогулка в горах, ставшая первым предостережением. Теперь ей предложила компанию посторонняя женщина, и это могло оказаться спасением от одиночества.

Однако Айрис отвергла все, что могла дать ей безопасность, из ложного чувства верности покинувшим ее друзьям. Она стала скучать по ним, как только вошла в гостиную, сегодня такую безлюдную. Проходя по коридору, она одну за другой миновала пустые спальни; пол в них был усыпан мусором, постели разобраны, матрасы перекинuty через подоконники, чтобы проветриться. Айрис требовалась моральная поддержка, чтобы вести себя как обычно. В тусовке не было принято специально переодеваться к ужину, разве что вечер выдавался прохладным. Как-то раз, когда одна из дам явилась на ужин в купальном костюме, дело, к восторгу тусовки, закончилось жалобой: сестры Флад-Портер, которые всегда надевали к ужину дорогие и безумно скучные платья, почувствовали себя уязвленными. Айрис вспомнила эту историю, вытираясь после душа. Чувствуя легкий стыд оттого, что идет на поводу общественного мнения, она порылась в чемодане и достала так до сих пор и не распакованное плиссированное платье из легкого крепа.

Горячая ванна и отдых вернули ей силы, однако, облокотившись на балюстраду, она вновь почувствовала одиночество. Ее печальная поза и изящный покрой платья немедленно привлекли внимание вышедшего из номера молодожена, которого, если верить гостиничной книге регистраций, звали Тодхантер. Он понятия не имел, кто это такая, не говоря уже о том, что несколькими часами раньше послужил этой девушке путеводной звездой. Пищу ему с женой сервировали в их собственной гостиной, так что с тусовкой он почти не пересекался, поэтому решил, что перед ним одинокая постоялица, которую он в суматохе как-то упустил из виду. Окинув ее взглядом знатока и одоблив увиденное, Тодхантер остановился и попробовал завязать разговор:

– Наконец-то выдался тихий вечерок. От этой толпы было столько шума!

К его удивлению, девушка ответила довольно холодно:

– Вечер действительно тихий. Но мне скучно без моих друзей.

Айрис спускалась по лестнице, радуясь, как ловко поставила нежеланного собеседника на место. Разумеется, ее друзья значительно превосходили остальных, однако от всего эпизода остался какой-то неприятный осадок, мешавший насладиться полнотой триумфа. В тусовке общественное неодобрение считалось знаком достоинства. Ее участники говорили друг другу: «Мы здесь не пользуемся особой популярностью» или: «Что-то нас недолюбливают». Айрис, загипнотизированную вполне довольным тоном, которым все произносилось, такое положение дел вполне устраивало. И только оставшись одна, она вдруг обнаружила, что остальные гости – надо полагать, приличные и воспитанные люди – не склонны считать ее за свою. И что это вовсе не так забавно, как ей казалось.

Настроенная уже не столь дерзко, Айрис вошла в ресторан. Стены большого и пустынного зала были оклеены плотными темно-синими обоями с золотым тиснением, изображавшим звезды. Электрические лампочки светили из неуклюжих кованых подсвечников, наводивших на мысль о голливудской постановке из средневековой жизни. Скатерти были не на всех столах, у дверей скучал единственный официант. Поскольку большая группа англичан уже

уехала, значительную часть прислуги тоже отправили по домам. Через несколько дней гостиница закрывалась на зиму.

Оставшиеся гости, похоже, не обращали внимания на понизившийся в связи с окончанием сезона уровень сервиса. За одним из столов располагались сестры Флад-Портер в компании викария и его жены. Все были в прекрасном настроении и усердно развлекали друг друга анекдотами, почерпнутыми из юмористических журналов.

Айрис демонстративно выбрала маленький столик в самом углу и закурила сигарету. Другим гостям уже подали вторую перемену блюд. Миссис Барнс, которая ни на кого долго не держала обиды, одобрительно посмотрела на девушку.

– Насколько все-таки ей идет быть в платье!

– Это дневное платье, – уточнила мисс Эвелин. – Находясь за границей, мы считаем своим долгом выходить к ужину в вечернем!

– Иначе мы были бы недостойны называться англичанками, – подтвердила младшая сестра.

Айрис растянула ужин как можно дольше, но он все же кончился, и ей волей-неволей пришлось выйти в гостиную. Для прогулки не оставалось сил, а лечь спать было еще рано. Оглянувшись вокруг, она с трудом заставила себя поверить, что еще вчера комната казалась исполненной местного континентального лоска и импортного английского веселья. Сегодня, лишенная общества друзей, Айрис прекрасно видела, насколько дешевой и претенциозной была окружающая роскошь. Позолота на плетеных креслах начала облезать, малиновый бархат обивки местами вытерся. При виде окурков и горелых спичек в кадках с пальмами к ее горлу подкатил комок – это было единственное, что напоминало о друзьях.

Она присела в сторонке. Викарий с трубкой в зубах наблюдал за ней, задумчиво прищурясь. В четких чертах его лица читались одновременно сила и чувствительность, практически идеальное равновесие между духом и плотью. Викарий играл в регби с молодыми прихожанами, после чего ему уже не составляло труда завоевать их души, но и в личных проблемах своих прихожанок он тоже разбирался неплохо. Жена уже сообщила ему, что Айрис предпочитает одиночество, и викарий ее понимал – ему самому иной раз хотелось побыть подальше от людей, даже от собственной жены. Поэтому он склонялся к тому, чтобы оставить ее скучать в покое, но затем темные круги под глазами девушки и печально опущенные уголки рта тронули его. В конце концов викарий решил, что лучше снять камень с души, даже рискуя нарваться на дерзость. А риск был серьезный – он понял это, уже встав на ноги и пересекая комнату, по настороженному взгляду, который бросила на него девушка.

«Еще один», – подумала Айрис.

Одухотворенное лицо священника даже вызывало в ней уважение, но сегодня вечером он, увы, принадлежал к вражескому лагерю. Фраза «От этой толпы было столько шума!» сама собой всплыла в голове еще до того, как викарий успел открыть рот.

– Я слышал, вы возвращаетесь в Англию одна. Не хотите ли присоединиться к нам?

– А когда вы едете?

– Послезавтра, последним экспрессом в этом сезоне.

– А я... я еду завтра! Спасибо за приглашение.

– Что ж, приятного путешествия.

Викарий слабо улыбнулся в ответ на скоропалительное решение Айрис и направился к письменному столу подписывать багажные ярлыки. Миссис Барнс поняла, что другого такого шанса у нее не будет. Стремясь соблюсти данное мужу обещание, она впала в противоположную крайность и вообще не упомянула новым знакомым о ребенке, не считая одной небрежной фразы про «своего малыша». Но теперь, перед самым возвращением, невозможно было удержаться и не похвастаться фотографией сына. Бросив вслед мужу виноватый взгляд, миссис Барнс вытащила из сумочки мягкий кожаный футляр.

– Мой богатырь! – объявила она.

Сестры Флад-Портер любили животных, а вот детьми никогда особо не интересовались. Тем не менее они с уверенностью, происходящей от хорошего воспитания, произнесли все приличествующие слова, и материнское сердце преисполнилось чувством гордости. Однако в тот момент, когда викарий закончил писать и вновь присоединился к ним, мисс Роуз резко сменила тему:

– Верите ли вы в вещие сны, мистер Барнс? Дело в том, что нынче ночью мне приснилась железнодорожная катастрофа.

Вопрос привлек внимание Айрис, и она навестила слух, чтобы не пропустить ответ викария.

– Я попробую ответить, – начал тот, – но сперва хотел бы сам задать вопрос. Что, по-вашему, представляет собой сон? Скрытое от сознания проникновение в суть вещей, или...

– Не хотите ли взглянуть на фотографию моего сыночка, Гэбриэла? – поинтересовался кто-то над самым ухом Айрис. Она обнаружила, что миссис Барнс, усевшись рядом, протягивает ей фотографию голого карапуза. Айрис сделала вид, что изучает фото, отчаянно стараясь расслышать, что говорит викарий.

– Гэбриэл, – пробормотала она, чтобы хоть что-то сказать.

– Да, мы назвали его в честь архангела Гавриила!

– Как мило. Надеюсь, он прислал поздравительную открытку?

Глаза миссис Барнс округлились, щеки залила краска. Девица решила самым богохульным образом оскорбить ее дорогого мальчика – просто потехи ради. Поджав губы, чтобы не разрыдаться, миссис Барнс вернулась к своим компаньонам.

Айрис, в свою очередь, была рада, что неожиданная помеха устранилась сама собой. Она и не подозревала, что нагрубила, поскольку пропустила мимо ушей большую часть сказанного мисс Барнс. Ее внимание было приковано к беседе о предзнаменованиях.

– Можете думать так, если хотите, – говорила в это время мисс Роуз, отменяя в сторону сказанное перед тем викарием. – Я – за здравый смысл. На последний поезд всегда продают столько билетов, что он набит под завязку. Если удастся без приключений добраться до Англии, можно считать, что нам повезло.

Мрачные предчувствия ощутимо сгустились в воздухе.

– Вы же не верите, что с нами что-то случится, правда? – воскликнула миссис Барнс, судорожно прижимая к груди фотографию Гэбриэла.

– Разумеется, нет, – ответила за сестру мисс Эвелин. – И все-таки мы находимся в чужой стране, далеко от дома. И при этом не понимаем ни слова на местном наречии!

– Она хочет сказать, – перебила ее мисс Роуз, – что пока мы находимся в гостинице или в поезде в соответствии с расписанием, опасаться нечего. Но случись любая авария – или даже задержка поезда, так что мы не успеем на пересадку – и застрянь мы в какой-нибудь деревушке, мы ведь ничего не сможем сделать! И с деньгами сразу возникнут сложности, мы же не везем с собой наличность!

– Как вы думаете, – обратилась старшая сестра к викарию, – не стоит ли нам прислушаться к вещему сну и поехать домой завтра, а не послезавтра?

– Ни в коем случае! – прошептала про себя Айрис. Она с болезненным интересом ожидала ответа викария. Ей вовсе не хотелось ехать с этими скучными и назойливыми людьми в одном поезде.

– Поступайте так, как вам подсказывает сердце, – ответил наконец викарий. – Только помните, что, уехав раньше, вы не просто уступите суеверию, но еще и лишите себя целого дня, проведенного в столь замечательном месте.

– И все наши билеты на послезавтра, – кивнула мисс Роуз. – Лучше бы, конечно, избежать ненужной путаницы... Знаете, пойду-ка я собирать чемоданы, чтобы быть готовой возвращаться домой, в старую добрую Англию!

К всеобщему удивлению, ее обычно столь уверенный голос был окрашен каким-то непривычным чувством. Дождавшись, пока мисс Роуз выйдет из гостиной, ее сестра поспешила объяснить:

– Это все от нервов. Перед самой поездкой на нашу долю выпало столько переживаний! Доктор посоветовал перемену мест, потому мы и отправились сюда, а не в Швейцарию.

В гостиную вошел хозяин и в качестве знака внимания к гостям принялся вертеть ручки приемника, пока не поймал Лондон на длинных волнах. Сквозь пулеметные очереди атмосферных разрядов пробился знакомый бархатный голос:

– Вы только что прослушали...

Никто из собравшихся, разумеется, ничего не слушал. Мисс Эвелин видела перед собой сад, залитый серебряным светом полной луны, и думала о том, что бутоны хризантем – по три в каждом горшке – уже должны были набухнуть.

Мисс Роуз, которая деловито укладывала чемодан, вздрогнула от неприятного воспоминания. Перед мысленным взором снова возникла зияющая дыра в клумбе, где еще вчера рос куст великолепных белых дельфиниумов. Дело было даже не в самой потере, а в мучительном чувстве неведения, где именно враг нанесет очередной удар...

Викарий с женой думали о спящем в кроватке сыне. Нужно решить, что лучше – просто посмотреть и уйти или поцеловать младенца, рискуя его разбудить.

Айрис представляла друзей в грохочущем поезде, и ее неожиданно захлестнула волна ностальгии.

Родина звала домой.

Глава 5

Ночной экспресс

Как случалось каждую ночь, Айрис разбудил вой ночного экспресса, мчащегося сквозь тьму. Выскочив из постели, она бросилась к окну и успела увидеть, как огненная змея огибает озеро. Когда поезд загрохотал под самой гостиницей, золотое сияние распалось на ожерелье из ярко освещенных окон; удаляясь, они опять стягивались в единое целое, словно звенья надежного на руку браслета.

Поезд уже скрылся в ущелье, но Айрис какое-то время могла следить за его движением по клубам подсвеченного снизу красным дыма. В ее воображении он мчался все дальше и дальше через Европу, словно раскаленные ножницы сквозь обугливающуюся географическую карту. Поезд пронзал город за городом, со свистом нанизывая их на сверкающую нить. Перед глазами вспыхивали и гасли названия: Бухарест, Загреб, Триест, Милан, Базель, Кале... Айрис вновь захлестнула тоска по дому, пусть даже домом для нее была лишь комната в отеле. К тоске примешивались дурные предчувствия – следствие вчерашней прогулки по горам.

– Что, если я... если со мной что-то случится и я уже никогда не увижу дома?

Айрис чувствовала, что произойти может всякое. Авария, болезнь, нападение бандитов – все порой случалось в жизни других людей. Ловушки окружали со всех сторон, и защитный квадрат на ладони в любой момент мог дать слабину.

Лежа в постели и ворочаясь с боку на бок, она успокаивала себя тем, что проводит под комковатым, набитым перьями одеялом последнюю ночь. Следующие две она тоже будет нестись сквозь мрак, раз за разом просыпаясь от яркого света, когда экспресс с ревом пролетает очередную станцию. О том же самом Айрис подумала и поутру, окинув взглядом ледяные пики гор на фоне рассветного румянца.

– Сегодня я еду домой!

Воздух за окном оказался прохладным. С озера, поблескивавшего зеленым сквозь желтые опахала каштанов, поднимался туман. Как ни сияла осень лазурью и золотом, Айрис оставалась безразличной к ее великолепию. Забыла она и о недостатках своего гостиничного номера – выкрашенных ядовитой охрой деревянных стенах и обшарпанном умывальнике с жестяной емкостью для воды вместо водопровода. В мыслях Айрис уже покинула гостиницу и отправилась в путь. Спустившись к завтраку, она почти не заметила присутствия прочих постояльцев, тех самых, что всего несколько часов назад вызывали в ней столь резкую антипатию.

Сестры Флад-Портер, в приличествующих случаю платьях – в их планах значилось написание корреспонденции на свежем воздухе, – завтракали за столиком у окна. Они не поприветствовали Айрис, хотя, разумеется, вежливо склонили бы головы, встретиться она с ними взглядом. Айрис даже не обратила внимания, поскольку уже успела выбросить их из головы, и молча уселась пить кофе. Тишину нарушали только отдельные реплики сестер, которых беспокоило, не помешает ли свадьбе некоего военного изменчивая английская погода.

У конторки Айрис чуть не столкнулась с миссис Барнс, но та была занята попытками объяснить с портье, поскольку обнаружила письмо в ячейке своего номера. Судя по ее серому шерстяному костюму и пакету с сэндвичами, семейство Барнс запланировало дальнюю прогулку. Да и викарий, набивавший трубку на веранде, был одет не совсем привычно – шорты, свитер, башмаки с шипастой подошвой и, наконец, украшенная крошечным голубым перышком фетровая шляпа, явно приобретенная здесь в качестве сувенира. Викарий улыбался счастливой улыбкой, доброй и праздничной, и показался Айрис ожившей статуей святого, сбегавшей ненадолго из храма, чтобы чуть-чуть подзагореть. Впрочем, следовавший за этим

диалог поколебал ее благорасположенность – а между прочим, он повлиял и на ее собственную дальнейшую судьбу.

– Откуда письмо, из дома? – окликнул жену викарий.

– Да, – ответила миссис Барнс после небольшой паузы.

– Я думал, прошлое письмо матушки было последним. О чем же она пишет?

– Просит, чтобы мы на обратном пути кое-что купили для нее в Лондоне. Какого-то шелка. Как у юной принцессы Маргарет.

– Ты же устанешь с дороги! Как она об этом не подумала?

– Действительно. – В голосе миссис Барнс прозвучали необычно резкие нотки. – Могла бы и подумать!

Айрис оставила их продолжать беседу. У ее вчерашнего не слишком-то достойного поведения внезапно обнаружились смягчающие обстоятельства – она имела полное право оградить себя от скучных разговоров о житейских мелочах. Проходя вдоль отеля, Айрис была вынуждена отклониться чуть в сторону, чтобы не показалось, что она лезет к молодоженам, поскольку отдельная гостиная их номера выходила прямо на веранду. Сегодня они завтракали булочками и фруктами при открытых дверях. На муже был великолепный китайский халат, на жене – изысканная накидка поверх шелковой пижамы. Тодхантеры всегда подсознательно раздражали Айрис, в их поведении сквозила чуть заметная фальшь. Нечто похожее девушка чувствовала, наблюдая сцену страсти в исполнении двух блестящих актеров на экране кинотеатра. Такая же любовь была и у Тодхантеров – безукоризненные костюмы, тщательная внутренняя цензура, правильный поворот головы в профиль к зрителю.

Тодхантер с нескрываемым любопытством взглянул в глаза прекрасной юной жены. Айрис внутренне замерла – действительно, все как в кино.

– Дорогая, как тебе наш отдых?

Миссис Тодхантер также прекрасно знала свою роль и умела выдержать паузу.

– Великолепно! – наконец отозвалась она.

Безукоризненно рассчитанная длительность паузы достигла желаемого эффекта.

– Тебе не понравилось? Дорогая, неужели...

Айрис уже миновала их и не расслышала окончания фразы, но все равно ощутила нотку зависти. Ее собственный романтический опыт сводился к нескольким весьма банальным эпизодам и закончился вместе с демонстративно фарсовым обручением.

Утро тянулось бесконечно долго, однако наконец закончилось и оно. Собрать Айрис было почти нечего – заботливые приятели забрали с собой основную часть багажа. Оставшуюся пару часов она как-то убила – в некотором смысле утопила, купаясь в озере, затем, переодевшись для поездки, спустилась в ресторан. Основное блюдо, залитое желе и усыпанное зеленью и мелконарезанным яйцом, выглядело заманчиво, но то, что было под всей этой красотой, больше всего напоминало вареных угрей. Внутренне содрогнувшись, Айрис заняла маленький, расписанный желтыми цветочками столик снаружи и ограничилась картофельным супом и виноградом. Солнце весело сверкало сквозь листву каштанов, освещая усыпанный гравием дворик, но железная скамья была слишком жесткой и холодной. Доезда оставалось еще больше часа, и Айрис решила, что лучше провести этот час на станции и напоследок насладиться видами. Она успела здорово разволноваться, и надо было себя чем-то занять. Оплата счета и щедрые чаевые еще не разбредшейся по домам прислуге доставили ей неожиданное удовольствие. Никого из постояльцев видно не было; тем не менее она припустила через сад, как сбежавшая с уроков школьница, опасаясь, что в последний момент ее схватят за руку.

Строгое дорожное платье и высокие каблуки воспринимались как непривычные и не слишком удобные после нескольких недель свободы, зато это было одним из признаков возвращения к цивилизации. Оказавшись наконец на платформе – чемодан у ног, озеро сверкает далеко внизу, – Айрис поняла, что находится на вершине блаженства. Воздух был кристально

чистый и чуть морозный, как часто в горах. Купаясь в свете солнца, она смотрела на поднятый шлагбаум и предвкушала, как он опустится и как на рельсах вдаль возникнет сплюснутый перспективой паровоз.

На платформе былолюдно – прибытие экспресса являлось главным событием дня. Вокруг лотков с фруктами и газетами болталась праздная публика, в равной пропорции состоявшая из местных и приезжих. Вся эта пестрая компания весело переговаривалась на многих языках, но английского Айрис не слышала до тех пор, пока со стороны деревни не появились двое мужчин. Они облокотились на ограду за ее спиной и, очевидно, продолжили какой-то спор. Сперва Айрис не слишком заинтересовалась и не стала оборачиваться, однако голоса были настолько выразительными, что вскоре она уже мысленно представляла себе обоих.

Голос того, что помоложе, звучал эмоционально и не отличался особой размеренностью. Айрис была уверена, что он принадлежит обладателю острого, полного идеями ума. Хотя речь лилась очень быстро, порой говоривший спотыкался – похоже, не столько от недостатка слов, сколько от их избытка. Постепенно Айрис ощутила к нему симпатию, отчасти оттого, что почувствовала родственную душу – ее собственные мысли обычно находились в таком же диссонансе, – но еще и от инстинктивной неприязни к другому, педантичному голосу. Его обладатель тщательно формулировал фразы, что свидетельствовало о застывшем сознании, особенно же раздражал покровительственный тон.

– Элементарно, мой дорогой Хэйр! – Айрис даже удивилась, что не Ватсон. – Вы не правы. Давно и неопровержимо доказано, что лучшей системы правосудия, чем суд присяжных, нет и не может быть.

– Суд болванов, – перебил его собеседник. – Вот вы говорите, что это обычные граждане. Да не бывает никаких обычных граждан, все битком набито предрассудками! Женщина может тайне ревновать ко всем представительницам своего пола, мужчина – быть повернутым на вопросах морали. Поставь перед ними обвиняемую – они ее осудят, причем каждый – за свое! Находясь в суде, мыслями они дома или на работе. Им лишь бы поскорее отделаться, зачем вникать в детали!

– Но присяжные обязаны следовать указаниям судьи.

– Думаете, они их помнят? Вы и сами прекрасно знаете, что цепь чужих рассуждений очень сложно удержать в памяти. Даже когда судья все разжует, присяжные все равно быстро решают по-своему и выносят неверный приговор.

– Отчего же вы считаете, что неверный? Мнение присяжных сформировано на основании показаний свидетелей.

– Свидетелей! – В запале молодой человек даже ударил кулаком по ограде. – Да свидетели и есть самое худшее во всем этом бардаке! Одни настолько тупы, что ловкие законники из них веревки вяжут, другие – сообразительные – еще хуже: такой может наврать с три короба и тем самым засадить за решетку какого-нибудь бедолагу только ради того, чтобы в газете написали про его прекрасную память и наблюдательность, да еще и фото поместили.

Старший собеседник понимающе хмыкнул, чем еще больше раззадорил младшего.

– Знаете, профессор, если мне придется держать ответ за ваше убийство, я бы предпочел, чтобы меня судили квалифицированные юристы, которые в состоянии хотя бы придерживаться фактов!

– Вы пристрастны, – возразил профессор, – и все-таки я попробую вас переубедить. Присяжные, если их рассматривать как единое целое, вполне разумны и в состоянии правильно оценивать людей. Ведь бывают надежные свидетели, а бывают такие, которые вызывают подозрения. Взгляните вон на ту смуглую даму с искусственными ресницами, как бы вы ее охарактеризовали одним словом?

– Привлекательная?

– Хм. Я бы скорее сказал – неблагопристойная, и простой человек со мной согласится. Теперь представим себе, что она и вот эта англичанка в приличном костюме дают противоположные показания. Это означает, что кто-то из них лжет.

– Я не согласен. Многое зависит от точки зрения. Ваш простой человек скажет под присягой, что куст у него в саду называется сиренью. Однако, придя в ботанический сад, он обнаружит, что настоящее имя этого растения – *Syringa vulgaris*.

– Ну, разница между обыденным и научным названием не такая уж...

– Хорошо, хорошо. Но при этом один честный англичанин готов поклясться, что цветы сирени – белые, а другой – что лиловые. Согласитесь, они противоречат друг другу, но оба правы. Такое сплошь и рядом бывает в суде.

– По-моему, вы отклоняетесь от темы, – возразил спокойный голос. – Представьте, что эти женщины по очереди дают свидетельские показания. Которой из них вы поверите?

Айрис тоже не удержалась, чтобы не сравнить гипотетических свидетельниц. Одна – типичная англичанка из небольшого городка, хорошо сложенная, с приятным умным лицом. Она пересекала платформу, не обращая особого внимания на окружающих, но это означало всего лишь, что у нее есть определенная цель и она старается ее поскорее достичь. Миловидная смуглая женщина, напротив, явно принадлежала к группе праздношатающихся. На ней была обтягивающая юбка и блузка, расшитая национальным орнаментом – обычная нарядная одежда местных жителей. Даже несмотря на красивый разрез ее алых губ и выразительный взгляд, Айрис не могла отделаться от ощущения, что перед ней цыганка, только что спершая курицу у зазевавшегося сельчанина. Против воли она была вынуждена согласиться с профессором. Однако когда младший собеседник тоже сдался, она не смогла сдержать разочарования – получилось, что ее команда проиграла.

– Понимаю, к чему вы клоните, – согласился молодой человек. – Британская надежность, держит воду не хуже прорезиненной ткани... Не забудьте только, что эту резину добывают в колониях в нечеловеческих условиях, и если на подобное слишком полагаться, недалеко и до кровопролития... Пойдемте-ка лучше выпьем по глоточку.

– С удовольствием – при условии, что заказывать буду я. Не хочу упускать ни малейшей возможности попрактиковаться в языке.

– Я, наоборот, терпеть его не могу, сплошное цыканье и пришепетывание. А вы преподаете иностранные языки, я ничего не путаю? У вас, наверное, одни девушки учатся?

– Увы, так и есть.

Айрис было жаль, что они ушли, спор вызвал в ней хоть какой, а интерес. Людей на платформе прибавилось, хотя до прибытия экспресса оставалось еще двадцать пять минут. На скамейку рядом с ней уселись другие пассажиры, прямо на ее чемодане расположился какой-то ребенок. Впрочем, даже несмотря на привычку к комфорту, Айрис не особо возражала, настолько ее в этот момент захватил окружающий мир. Солнечный свет, зелень деревьев, блеск озера – все слилось вместе и погрузило ее в подобие блаженного гипноза. Ничто не предвещало беды, и удар настиг совершенно неожиданно.

Айрис ощутила страшную боль в затылке. За мгновение до этого белоснежные вершины закачались, небо почернело, и она провалилась во тьму.

Глава 6

Зал ожидания

Зрение возвращалось по частям. В воздухе плавали фрагменты человеческих лиц: нездорово-бледная кожа, темные глаза, плохие зубы.

Постепенно Айрис осознала, что лежит на скамье в каком-то темном помещении, окруженная группой женщин крестьянского вида, довольно одинаковых; национальное сходство усиливалось тем, что в этих горах все друг с другом в родстве. Женщины смотрели на нее с полным безразличием, словно на случайное уличное развлечение – сбитое машиной животное или быдло в припадке человека. В невыразительных лицах не читалось ни капли сострадания, в тусклых глазах – ни искорки любопытства.

– Где я? – в ужасе спросила Айрис.

Женщина в черном неожиданно разразилась потоком гортанной речи. Айрис, ничего не понимая, слушала в беспомощной панике, подобной той, которую впервые ощутила вчера в ущелье. Лицо женщины было настолько близко, что Айрис видела поры у нее на коже и волосы, растущие из ноздрей, – и при этом их разделяла такая пропасть, словно они находились на разных планетах.

Хорошо бы кто-то пролил свет на случившееся, развеял окутавшие чары. Айрис понятия не имела, что произошло; чтобы собраться с мыслями, ей требовалось ясное, подробное объяснение, а не загадочный язык знаков. Вспомнились постояльцы гостиницы, от которых она сегодня буквально сбежала. Сейчас она чувствовала, что пожертвовала бы годами жизни, только чтобы увидеть перед собой одухотворенное лицо священника или встретиться взглядом с добрыми глазами его жены.

В попытке вернуться к реальности Айрис привстала и огляделась вокруг. Помещение выглядело смутно знакомым. Потемневшие деревянные стены, засыпанный песком пол, он же по совместительству – общественная плевательница. Косой луч пыльного света падал из узенького окошка на полку со стаканами из толстого стекла.

Айрис подняла голову повыше и тут же почувствовала тупую боль, а за ней – приступ головокружения. На секунду ей показалось, что сейчас ее вырвет, но внезапная догадка отогнала тошноту. Это зал ожидания! Еще вчера она вместе с приятелями заходила сюда, чтобы выпить на дорожку. Отдельные мысли, метавшиеся в голове подобно грохочущим вагонам, вдруг надежно сцепились – образ железной дороги собрал их в единый состав. Она вспомнила, как сидела на солнышке, ожидая прибытия экспресса, и сердце судорожно дрогнуло. Что произошло с тех пор, как она потеряла сознание, как давно это случилось? Быть может, экспресс уже пришел. И – ушел?

Голова снова закружилась, и Айрис пришлось ждать, пока пелена перед глазами рассеется, чтобы проверить время на своих крошечных наручных часах. Выяснилось, что до поезда еще двадцать пять минут, которые она может потратить, чтобы окончательно прийти в себя.

«Почему я потеряла сознание? На меня напали?» Закрыв глаза, Айрис изо всех сил попыталась сосредоточиться и вспомнить, однако в памяти запечатлелись только голубое небо и зеленое, как трава, озеро.

Внезапно она вспомнила про сумочку и принялась шарить руками вокруг себя. К ее разочарованию, сумочка рядом не нашлась, нигде на скамье ее тоже не было видно. Чемодан стоял поблизости на полу, а сверху лежала шляпка, словно отмечая – твои вещи кончаются здесь.

– Моя сумочка! – воскликнула Айрис в ужасе. – Где моя сумочка?

В сумочке были не только деньги и билеты на поезд, но и паспорт, без которого невозможно уехать. Даже если она, без гроша в кармане, найдет способ попасть на поезд, ее высалят на первой же границе. При этой мысли Айрис пришла в совершенное иступление. Наверняка окружающие женщины сговорились, чтобы ограбить ее, пока она без сознания! Айрис попыталась вскочить со скамейки, и женщины принялись укладывать ее обратно. Из всех сил стараясь вырваться, Айрис улышала странное пыхтение, как будто кто-то задыхался, а на его фоне – громкий шипящий звук, словно из-под земли неожиданно забил фонтан.

Несмотря на все ее усилия, женщине в черном удалось опустить Айрис обратно на скамью, а толстая девица, бюст которой едва помещался в блузке, поднесла к ее губам стакан с какой-то жидкостью. Айрис не хотела пить, и тогда с ней обошлись как с ребенком – оттянули вниз подбородок и вылили жидкость, оказавшуюся водкой, прямо ей в горло. Она подавилась и закашлялась; в голове еще сильнее запульсировала боль. Испугавшись, что снова потеряет сознание, Айрис прекратила бороться и без сил опустилась на скамью.

Нельзя оказаться прикованной к постели в деревне, одной, вдали от друзей. Если бы удалось хотя бы вернуться в гостиницу, можно было рассчитывать, что соотечественники ссудят ей каких-нибудь денег, и тогда можно выправить новый паспорт... Правда, это означало бы серьезную задержку, да и постояльцы – чужие ей люди и не сегодня завтра должны разъехаться. Айрис на неопределенный срок останется одна, хорошо еще, если за ней хоть как-то будут ухаживать. Да и гостиница уже почти закрылась.

– Я не имею права болеть, – твердо сказала она. – Пока не поздно, нужно выбираться.

Айрис была уверена – если удастся сесть на поезд, одна лишь мысль, что она, миля за милей, возвращается к цивилизации, поможет ей продержаться столько, сколько надо. Вспомнила Базель над молочно-изумрудным Рейном; в этом городе великолепные отели, а прислуга говорит по-английски. Там, где ее понимают, можно будет и поболеть.

Главное – попасть на поезд. На карту было поставлено так много, что Айрис возобновила отчаянные попытки подняться и найти сумочку. И тут она заметила, что кто-то пытается привлечь ее внимание. Это был пожилой человек в грязной униформе носильщика и с лицом словно у лешего – загорелым и изборожденным морщинами, подобно старому пню. Человек раз за разом снимал засаленную кепку, потом указывал пальцем вверх и, наконец, – ей на голову. Вдруг ее осенило – носильщик хотел сказать, что на платформе ей напекло голову и с ней случился солнечный удар.

У Айрис гора с плеч свалилась, поскольку загадка происшедшего одновременно озадачивала и пугала ее. Она никогда не жаловалась на здоровье, а в обморок вообще упала впервые в жизни. Была и еще одна причина для радости – оказывается, несмотря на все ее сомнения, общение с местными все же возможно, пусть даже и на сравнительно приземленные темы. Поэтому, как ни велика была ее паника по поводу поезда, Айрис все же нашла в себе силы слабо улыбнуться носильщику. А тот, как будто все это время ожидал от нее сигнала, немедленно сунул руку за ворот своей блузы и вытащил наружу ее сумочку!

Что-то пискнув, Айрис выхватила сумочку. Вспомнив, какая толпа собралась на платформе, она даже не надеялась найти деньги; оставался лишь слабый шанс, что не тронули хотя бы паспорт. Трясущимися руками она расстегнула молнию и застыла в изумлении – все содержимое было на месте. Билеты, деньги, паспорт, даже счет из гостиницы с отметкой об оплате. Выходит, она серьезно недооценила честность местных жителей, и эту ошибку следовало немедленно исправить. По крайней мере, теперь ясно, что происходит. Как обычно, сработал защитный квадрат на ладони, и ей поспешили на помощь.

Женщины, на которых пролился золотой дождь, даже глазом не моргнули; похоже, они впали в ступор от изумления и утратили способность к благодарности. Старик-носильщик, напротив, просиял и ухватился за ручку чемодана, давая понять, что у него все под контролем.

Водка, которой Айрис так сопротивлялась, помогла собраться; перемена ситуации тоже пошла на пользу. Почти полностью овладев собой, она достала билет и протянула носильщику.

Того словно током ударило. Разразившись возбужденным потоком слов, он схватил девушку за руку и потащил ее к дверям. Едва оказавшись снаружи, Айрис сразу поняла природу странного звука – шипел выпускающий пар локомотив. Пока она теряла драгоценные минуты, на станции стоял экспресс!

Теперь он отправлялся.

На платформе царила кутерьма. Громко хлопали двери купе. Провожающие столпились перед вагонами, выкрикивая слова прощания. Служащий поднял флаг и просвистел в свисток.

Они опоздали на какую-то минуту. Айрис с горечью осознала, что все пропало, а носильщик... Носильщик, если воспользоваться метафорой, ухватился за ускользающую возможность и не упустил ее. Прошел лишь краткий миг между тем, как поршни паровоза пришли в движение, и первым оборотом колеса, а он уже рвался сквозь толпу, подобно престарелому тигру. В его жилистом теле осталось достаточно силы и ловкости, чтобы добраться до ближайшей двери вагона и распахнуть ее.

Здесь дорогу ему преградила величественная, одетая в черное дама, перед которой он, повинувшись крестьянскому инстинкту, должен был бы сам собой согнуться в поклоне. С другой стороны, его только что наняли за сумму, значительно превосходящую его чаевые за целый, пусть и непродолжительный, курортный сезон. Следовательно, нанимательница должна занять место в вагоне. Поднырнув под рукой царственной дамы, носильщик забросил чемодан в купе, а следом втащил и саму Айрис. Наружу он выпрыгнул, когда состав уже набирал ход. Когда Айрис высунулась наружу, чтобы помахать ему в знак признательности, носильщик осклабился в ответ беззубой гномьей улыбкой.

Платформа ушла далеко назад, миновали мост – вокруг грубых свай плескались воды озера; вскоре изумрудная простыня, смятая ветерком и вновь выглаженная солнцем, тоже исчезла за окном. Когда выгнувшийся дугой поезд скользнул к пробитому в скалах тоннелю, Айрис представилась последняя возможность бросить взгляд на деревню. Она увидела лишь кучку разноцветных игрушечных домиков, расставленных на зеленой полке долины.

Глава 7

Пассажиры

Поезд вынырнул из тоннеля и загрохотал по зеленому, плотно заросшему лесом ущелью. Айрис бросила взгляд на часы. Стрелки показывали, что до прибытия экспресса на Триест оставалось двадцать пять минут.

– Похоже, остановились, когда я хлопнулась в обморок, – решила Айрис. – Как нельзя вовремя! Я чуть было не пропустила поезд.

Воспоминание тут же наполнило ее глубокой благодарностью судьбе за то, что она все-таки едет домой в Англию. За последние сутки девушка успела испытать больше волнений, чем за всю предыдущую жизнь, такую легкую и хорошо организованную. Теперь ей было знакомо ужасное чувство потери – друзей, денег, здоровья; чувство, что все связи с миром оборваны. И как обычно, в самый критический момент удача повернулась к ней лицом. В силу контраста обычная поездка выглядела теперь событием, исполненным неземного блаженства. Это при том, что железная дорога всегда казалась Айрис необходимостью того сорта, который можно вынести только при помощи специальных условий – таких, как купе люкс, цветы, фрукты, конфеты, легкое чтиво и друзья, способные поддержать настроение. Сейчас же, в не слишком чистом вагоне и без особой надежды пересест в люкс в Триесте, Айрис чувствовала такой азарт, словно она впервые в жизни отправилась путешествовать.

Пейзаж за окном демонстрировал прямо-таки варварское величие. Поезд летел мимо каменных груд, вызывавших в памяти гравюры Доре на тему Дантова Ада. Серебряные вены водопадов прорезали гранитные стены ущелий. Время от времени попадались засушливые участки, только темные пруды, заросшие по краям черными метелками камыша, виднелись в безлюдных впадинах. Айрис наблюдала за зрелищем, словно на экране, в глубине души радуясь, что от пейзажа ее отделяет двойное стекло. Вся эта монументальность представляла собой осколки мира, безжалостно разрушенного стихиями, что напоминало ей о собственном недавнем столкновении с реальностью. Воспоминание заставило девушку съежиться – несмотря на то, что от кошмара на станции ее уже отделяла толща огромной горы. Лишь теперь, когда прошлое с каждой минутой уходило назад, словно скользя по змеящимся рельсам, Айрис смогла оценить, какая тонкая грань отделяла ее от полной катастрофы. Ведь среди толпы на станции наверняка были темные личности, которые не преминули бы воспользоваться столь удачным совпадением: иностранка в обмороке – впрочем, на иностранку-то им было наплевать – и многообещающая добыча в виде дорогой сумочки. Какое счастье, что первым рядом с ней оказался гном-носильщик!

«Мне-то всегда везет, – подумала Айрис. – А вот каково было бы другим на моем месте?»

Впервые в жизни она осознала, сколь ужасна судьба людей, лишенных защитного квадрата на ладони. Даже случись сейчас железнодорожная катастрофа, средние вагоны (а именно там ехала Айрис) останутся на рельсах, а в других, сошедших с насыпи, сложившихся словно перочинный нож, погибнут люди...

Вздвигнув от этой мысли, Айрис невольно перевела взгляд на женщину средних лет напротив. Та состояла из одних недостатков – мелкие, с трудом различимые и беспорядочно разбросанные черты лица, малоопределенный оттенок щек, будто по уже нарисованному лицу кто-то прошелся ластиком и почти все стер. Кудряшки выцвели, кожа на лбу – цвета овсяной каши. Правда, до образцовой карикатуры на старую деву женщина все же слегка недотягивала. В частности, ее твидовый костюм и шляпка в тон выглядели довольно прилично, хотя и были начисто лишены индивидуальности. В обычное время Айрис даже не задержала бы взгляда на незнакомке, но сейчас в ней проснулось сострадание.

«Случись что-нибудь вот с ней, никто и внимания не обратит», – сразу поняла она.

Дальнейшие мысли оказались и вовсе нерадостными – о том, что на свете есть определенный процент людей, не имеющих ни друзей, ни денег, ни связей. Фактически они – никто, их исчезновение пройдет совершенно незамеченным, они канут в омут и даже кругов на воде не останется.

Чтобы отвлечься, Айрис попробовала снова смотреть за окно, но теперь перед ним стояли пассажиры, вышедшие в коридор, поскольку купе были переполнены. Так что она, впервые с начала поездки, обратила более пристальное внимание на собственных шестерых соседей. Собственно, купе и было рассчитано на шестерых; после вторжения Айрис в нем стало одним пассажиром больше, чем положено.

На скамье рядом с ней расположилось семейство – двое крупных родителей и худенькая девочка лет двенадцати. Отец семейства, судя по очкам в роговой оправе и самодовольному виду, преуспевающий горожанин, бритоголовый и с маленькими нафабранными усиками. У его жены была прямая набриолиненная челка и кустистые брови, похоже, что подкрашенные углем. Детские носочки девочки шли вразрез с ее в остальном вполне взрослым видом. Судя по заколкам в волосах, прическу ей только что тщательно уложили после перманента. Модные, с иголочки дорожные костюмы семейства напомнили Айрис виденную когда-то книжку по геометрической стенографии. Костюм папаши был в полоску, мамыши – в горошек, а дочери – в клеточку. Айрис некоторое время забавляла себя мыслью, что если эти костюмы разобрать на части и хорошенько перемешать, на выходе получится стенографическое послание человечеству. Скорее всего, восхваляющее семейные ценности, ведь даже газету это семейство делило на троих. Мамаша изучала раздел мод, девочка – странички для детей, глава семейства читал финансовые новости.

Айрис перевела взгляд на противоположную скамью. Рядом с женщиной в твиде сидела довольно привлекательная девушка, которая, однако, выбрала за образец стереотипную блондинку-киноактрису. Это было видно и по ее приглаженным волнистым волосам, и по огромным голубым глазам с накладными ресницами, и по бровям бабочкой. Дополняли картину наруганные щеки и ярко накрашенные губы. Несмотря на тонкость черт, красота девушки казалась штампованной и лишенной жизни. На ней был обтягивающий белый костюм, под ним – черная шелковая блузка до самого горла. Черным было и все остальное – шляпка, перчатки, сумочка. Девушка сидела очень прямо и неподвижно, словно позируя для кинопроб. Места на скамье ей требовалось совсем немного, поскольку забота о фигуре довела ее чуть ли не до дистрофии. Тем не менее она вплотную прижалась к твидовой женщине, задвинув ту в самый угол и освободив оставшееся место в знак уважения к даме, не желавшей пускать Айрис.

Не было ни малейшего сомнения – эта величественная персона принадлежала к местному правящему классу. Ее глаза горделиво сверкали, а нос выделялся, словно клюв хищной птицы. Огромная туша, затянута в плотное черное платье и полускрытая вуалью, занимала чуть ли не полскамьи. К изумлению Айрис, дама смотрела прямо на нее, причем с неприкрытой враждебностью.

«С одной стороны, купе действительно не мое. Но ведь не ей жаловаться, у нее-то места полно! И объяснить не выйдет, сиди теперь и мучайся...»

Повинуясь внезапному импульсу, Айрис наклонилась к даме:

– Вы говорите по-английски?

Вопрос, очевидно, оказался оскорбительным – сдвинув тяжелые веки, дама демонстративно закрыла глаза, словно столь плебейское зрелище было для нее совершенно невыносимым. Не решившись продолжать, Айрис обернулась на остальных пассажиров. Семейство не отрывало глаз от газеты, старая дева разглаживала юбку, блондинка продолжала смотреть прямо перед собой. Каким-то образом Айрис чувствовала, что это тщательное безразличие – демонстрация уважения к даме в черном.

«Да кто она такая? – рассердилась Айрис. – Местная священная черная корова? Пока она молчит, никто и слова сказать не смеет? Если хотите знать мое мнение, это просто толстая баба, да еще и в уродских перчатках!»

Однако надолго удержать революционный настрой Айрис не удалось. От огромной черной фигуры распространялась атмосфера властной уверенности, и Айрис волей-неволей начала ее впитывать. Кроме того, первоначальное возбуждение уже улеглось, и она вновь ощутила последствия солнечного удара. Голова раскалывалась, мускулы шеи свело. Тревожные симптомы намекали, что следует быть осторожней – еще сохранялась угроза разболеться посреди чужой страны, и следует беречь нервную энергию, а не тратить ее направо и налево только потому, что кто-то вдруг не понравился.

В купе было душно, продолжало давить присутствие «черной вдовы». Айрис не сомневалась, что та представляет собой ходячий клубок предрассудков и препятствие на пути всего здорового, что есть в обществе. Типичный камень на дороге прогресса. Девушка почувствовала, что на лбу выступает пот, и взглянула на закрытые окна. Окно с ее стороны выходило в коридор, где было слишкомлюдно, чтобы рассчитывать на свежий воздух. С трудом поднявшись на ноги, Айрис ухватила за ручку противоположного окна.

– Вы не возражаете? – подчеркнуто вежливо обратилась она к пассажирам в надежде, что по ее интонации те догадаются: она спрашивает их позволения открыть окно.

Глава семейства тут же встал и перехватил у нее ручку. Однако вместо того, чтобы открыть окно, он, словно на священную реликвию, посмотрел на даму в черном, потом перевел взгляд на Айрис, нахмурился и отрицательно покачал головой.

Айрис, раздраженная отказом, вернулась на свое место.

«Ничего не поделаешь. Надо держать удар. Ты здесь чужая».

Для самого популярного члена тусовки оказаться в меньшинстве – опыт новый и неприятный. Теперь нужно терпеть не только недостаток вентиляции, но еще и неспособность выразить собственные желания или объяснить свои действия. Все равно что одновременно лишиться речи и слуха.

Дверь купе открылась, и внутрь протиснулся высокий мужчина. Даже отдавая себе отчет в том, что ее чувства сейчас обострены до предела, Айрис решила, что никогда не видела столь отталкивающей физиономии. Мужчина был бледен, как гончарная глина, носил черную бороду лопатой, а его темные глаза под очками казались совершенно лишенными жизни. Поклонившись даме в черном, он встал перед ней и начал что-то говорить.

Очевидно, рассказ был весьма увлекательным – все пассажиры, включая девочку, внимательно слушали. Сам же мужчина, поблескивая очками, переводил глаза с одного пассажира на другого, пока наконец не уставился на Айрис – холодно, бесстрастно, как на лабораторный образец под микроскопом. Мужчина явно не ожидал увидеть данный экземпляр и не особенно был рад его появлению. Наклонившись к самому уху дамы, он что-то негромко спросил. Та прошептала ответ.

«Жужжат как мухи в банке, – подумала Айрис. – Вообще, мне это кажется или я им всем действительно неприятна?»

Для подобной вражды не было ни малейшего основания, тем более со стороны чернородого, который вообще ее впервые видел. Она всего лишь причинила определенное неудобство группе незнакомых людей, которых к тому же отделял от нее языковой барьер. Айрис закрыла глаза и попыталась выкинуть попутчиков из головы.

Когда жужжание наконец стихло и за чернородым закрылась дверь купе, ей сразу стало легче. Зато сильно разболелась голова. Тянуло выкурить сигаретку, выпить чаю. Однако закурить она не решалась, опасаясь головокружения, а чай вообще казался чем-то из другого мира. Поезд неся через безлюдную местность – только скалы и сосны. О цивилизации время от времени напоминали лишь старинные замки, как правило, лежащие в руинах. За окном про-

плывал сказочный ландшафт, а в дверь купе вдруг просунулась голова и выкрикнула что-то похожее на изощренное ругательство.

Пассажиры никак не отреагировали, но Айрис стала расстегивать сумочку, на случай, если от нее требовалось предъявить паспорт или билет. Чистая английская речь прозвучала совершенно неожиданно. Поднявшись с места, женщина в твиде обратилась к ней с вопросом:

– А вы идете в вагон-ресторан? Там уже накрыто для чая.

Глава 8

Чаепитие

Айрис была настолько поражена, что не сразу нашлась с ответом, а лишь с изумлением уставилась на проплывающий за окном грубый песчаник, словно ожидая увидеть на его месте аккуратные швейцарские домики или голубые озера Италии.

– Вы англичанка?.. – наконец выдохнула она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.